

Глава девятнадцатая

О ЛИЧНОСТИ И ЕЕ ДОБРОДЕТЕЛИ

Образ нравственности, несмотря на всю свою сложность, представляет собой некую целостную и классическую простоту, поддерживающую себя на пути непрерывного спекулятивного сращения. *Конкретность* этого „образа“ состоит, во-первых, в том, что он всегда скрывает в себе *множество* элементов и состояний, формально и по содержанию не совпадающих и образующих вместе великое содержательное богатство целого; во-вторых, в том, что эти несовпадающие элементы и части стоят между собою в отношении ассимилирующего обмена, взаимопитания и взаимоподдержания, т. е. в отношении *органической сращенности*. Это означает, что все элементы целого связаны *единою абсолютною основою* и *единою целесообразною принадлежностью*, так, что все они возможны только в лоне субстанции и действительны только через ее целесообразное пульсирование: множество объято в едином объеме („по-ятии“, Понятии), из которого оно возникло и в который вернулось, а разнообразие содержаний сращено в единую простую, всюду наличную всеобщность, из первоначальной определенности которой оно изошло и в сосредоточенную насыщенность которой оно ныне сомкнулось.¹

Поэтому образ нравственности есть по существу своему не „множество, соединившееся в цельность“, но субстанциальное „единство, внутренне дифференцировавшееся на множество органов“. Все свойства и все черты нравственности суть свойства и черты *субстанции*; все определения ее получают свой смысл и свое значение именно как определения *единого духа*. В нравственности первоначален *единый, божественный дух*, и только на втором плане она является *человеческим коллективом* — обществом или „народом“. Те, кто не понимают этого и соглашаются признать субстанцию *только как продукт единичных актов*, совершаемых *разъединенными индивидуумами*, те, по убеждению Гегеля, ослеплены видимостью эмпирического явления и принимают его за главное, абсолютное и первоначальное.

Если нравственность *духовна*, то духовность ее, прежде всего, *едина*, потом только *множественна* и, наконец, *опять едина*. Если нравственность *конкретна*, то она, прежде всего, *конкретна первоначальной нерасторгнутостью*,² потом только дискретна — в явлении и, наконец, *опять конкретна в смысле сращения „дискретных“ частей*. Если нравственность *свободна*, то она, прежде

¹ Ср.: сопоставление „нравственной системы“ с системою светил. W. Beh. 395. ² См. главу восемнадцатую. Ср.: Recht. 220. (Z.).

всего, свободна в своей абсолютной сущности как *бесконечная Субстанция*, потом только „полусвободна“ в условиях конкретного эмпирического существования, и, наконец, она опять свободна как субстанция, пробившаяся через эмпирическую необходимость, *преодолевшая свою внутреннюю множественность* и свою раздробленность и претворившая „совокупность“ во „Всеобщность“.¹ Нравственный образ есть сначала² „субстанция“ и лишь потом „тотальность“, он есть, прежде всего, „божественный смысл“ и „дух“ и лишь затем „человеческие духи“ и „души“; он есть первоначально нераскрывшаяся „индифференция“ и лишь впоследствии множество „дифференций“ и их „индифферентная“ сращенность.³ „Всеобщая воля“ *первее*, чем „воля единичного человека“,⁴ подобно тому как *мир* первее своих частей и *Божество* существеннее и первоначальнее *мира*.

Этот приоритет „субстанции“ перед „единичным человеческим существом“ имеет, как уже видно, не „логический“, или „познавательный“, или только „ценностный“, или „эмпирически-временный“ характер, но метафизически-онтологическое значение. Субстанция народного духа есть *абсолютная и самодовлеющая реальность*, выращивающая из себя и в себе свои *единичные явления — индивидуальные души*. Всеобщая воля есть не только „источник“ (Quelle) всех единичных волей,⁵ но существенная и единственная, *абсолютная основа их бытия и их жизни*; „Всеобщее, Дух есть в каждом и для каждого даже постольку, поскольку они единичны“.⁶ Индивидуум есть „модус“ всеобщей сущности, стоящий в „абсолютной индифференции“ с нею.⁷ Он *первоначально состоит в ней*⁸ и обусловлен ею;⁹ мало того, он просто *совпадает* с нею своею сущностью и действительностью, своею волею, своими деяниями¹⁰ и продуктом своих деяний.¹¹ Единичное имеет *только видимость* противоположения,¹² а на самом деле оно есть „всеобщее сознание и воля“.¹³ Человек имеет „объективность, истинность и нравственность только как участник объективного духа“¹⁴ и лишь „тотальность“ несет оправдание индивидууму в его бытии.¹⁵ Дух „как субстанция и как всеобщая, сама себе равная и пребыва-

¹ Ср.: об „Allheit“ и „Allgemeinheit“: Lass. II. 466. W. Beh. 347. 395 и др.
² Это „сначала“ имеет значение „реальной существенности“ и лишь постольку может получить оттенок, „временподобного“ или просто „временного“ последования.
³ Ср.: напр.: W. Beh. 369. 378. 394. ⁴ Ср.: Mollat. Anhang. 54: „das Erste und das Wesen“; „früher“; „absolut da für sie“.
⁵ Ph. G. 44.
⁶ Lass. II. 466. Курсив автора. ⁷ W. Beh. 394. ⁸ Ср.: „in dessen Zusammenhang allein vorhanden“: Enc. III. 392. ⁹ Ср.: „durch das vorausgesetzte Ganze bedingt“: Enc. III. 392.
¹⁰ Ср.: Lass. II. 465. Phän. 527—528. Recht. 210. 217. ¹¹ Ср.: Phän 328. ¹² „nur den Schein des Gegensatzes“: Phän. 443. Курсив Гегеля. ¹³ Phän. 443. ¹⁴ Recht. 313. ¹⁵ Ср.: „Rechtfertigung des Einzelnen“: W. Beh. 415.

ющая сущность есть несовратимая и неразрешающаяся *основа и исходный пункт* в деятельности всех (людей), и как помысленная *сама по себе сущность* всех самосознаний, (он есть) — их *цель и задание*“.¹ „Эта субстанция есть точно так же всеобщее произведение (Werk), которое созидает себя через *деятельность* всех и каждого в качестве их единства и одинаковости (Gleichheit), ибо она есть *бытие для себя*, самость, деятельность“.² „В качестве субстанции Дух есть неколеблущееся, правое (gerecht) *равенство самому себе*; но в качестве *сущего для себя* (это равенство) есть разрешенная, приносящая себя в жертву *благостная сущность*, работая над которой, каждый совершает свое собственное дело, разрывает всеобщее бытие и берет себе из него свою часть.³ Это разрешение сущности и распадение ее на единичности есть именно *момент* деятельности и самости всех; это есть движение и душа субстанции и произведенная всеобщая сущность. Именно благодаря тому, что она есть бытие, растворенное в самости, она не есть мертвая сущность, но *действительная и живая*“.⁴

И вот, если принять во внимание эту включенность частей в целое, эту поглощенность каждого индивидуума жизнью субстанции и в то же время метафизический приоритет *Духа* перед „душами“ и *Воли* перед всякою индивидуальной волею, то может возникнуть впечатление, что бытие *личности* есть по учению Гегеля *простая видимость*, не только не существенный и второстепенный момент, но, может быть, *прямая иллюзия*. В самом деле, описывая роль и положение индивидуума в системе нравственности, Гегель иногда выражается так, что можно подумать, будто „единичное“ совершенно „поглощается“ или даже уничтожается всеобщим и будто „нравственная субстанция“ исключает даже *форму личного бытия*. При таком понимании самая проблема лица может оказаться или, по крайней мере, показаться *мнимой* проблемой и самостоятельное рассмотрение сущности *личной добродетели* будет лишено всяких оснований.

Однако категорический и радикальный характер всех этих определений, могущих навести на такое *чрезмерно универсалистическое* истолкование, следует принимать с осторожностью.

Дело в том, что, согласно повторным указаниям самого Гегеля, Духу безусловно необходимо довести себя до „индивидуально-множественного“ состояния и притом для того, чтобы развернуть себя сполна в мире „явлений“ и стать „образом мира“. Самая чистая, нравственная воля нуждается в форме „единичности“,⁵

¹ „und ihr Zweck und Ziel, als das gedachte Ansieh aller. Selbstbewusstsein“: Phän. 328. Курсив Гегеля. ² Phän. 328. Курсив Гегеля. ³ Phän. 328. Курсив Гегеля. ⁴ Phän. 328—329. Курсив Гегеля. ⁵ Ср.: Enc. III. 371; Lass. II. 474.

нуждается в индивидуализации, несущей с собою „живую жизнь“.¹ Единичная душа не есть тот элемент, в котором может осуществиться система нравственности,² потому что нравственность есть состояние *многих единичных духов*, стоящих в спекулятивном сращении: „органическое тело абсолютной нравственности“ состоит из множества индивидуальных душ,³ превративших свое численное множество в „чистое единство“.⁴ По слову Платона, „многое“ утверждается как „единое“, подобно тому как „единое“ утвердило себя в виде „многого“.

Индивидуализация необходима для нравственной субстанции потому, что она сообщает ей *новый способ бытия*, вне которого она не может развернуть себя в зрелый „образ мира“. Этот способ бытия определяется как *живое знание себя и свободное воление себя*; нравственный образ возможен только при наличности этих черт.

Индивидуализация необходима для того, чтобы в элементе „души“ состоялся и завершился великий космический процесс *божественного самоосвобождения*. Этот процесс неминуемо приводит к бытию *эмпирического, самостоятельного, единичного человека*. Субстанция должна принять способ конкретно-эмпирической жизни, ибо свобода состоит в *преодолении* чувственной стихии, а преодоление всякого „инобытия“ достигается только через действительный выход в него и действительное принятие его в себя;⁵ поэтому субстанция должна „разойтись“, „разъять себя“ на множество единичных эмпирических существ, подлежащих закону дурной необходимости и ведущих дискретно-самостоятельное существование. Каждое из этих существ получает двойную природу: *субстанциально-всеобщую и эмпирически-особенную*, причем от каждого зависит сосредоточить энергию своей жизни на первой или на второй. И какую бы жизнь ни вел индивидуум, — жизнь, растворяющую „особенность“ во „всеобщности“, или жизнь, подчиняющую „всеобщее“ „особенному“, — Субстанция продолжает в нем *присутствовать*, сообщая ему „формальную“ свободу, т. е. *способность определять себя эмпирически-центробежно или метафизически-центростремительно*. Субстанция до такой степени верна себе, и природа ее до такой степени неисказима и неизвратима, что она вносит свой основной характер „самостоятельного самозидания“⁶ даже в единичность эмпирического человека. Это неизбежно потому, что даже эмпирическое существо остается „модусом“ субстанции: это необходимо для того, чтобы самоосвобождение индивидуума осталось актом *субстанции*.

¹ „das lebendige Leben“: Lass. II. 474. W. Beh. 400.

² Ср.: Lass. II. 474. 475.

³ Ср.:

W. Beh. 393.

⁴ „die Zahl zur reinen Einheit und zur Unendlichkeit geläutert“:

⁵ См. главу тринадцатую.

⁶ См. главу четвертую.

Свобода субстанции должна восстановиться и восстанавливается в процессе ее *собственного*, из нее идущего и к ней возвращающегося самоопределения, т. е. в процессе ее *свободного творчества*. Она совершает эту реституцию не потому, что ее побуждает к этому что-либо „иное“, „внешнее“ ей, какой-нибудь внешний „рок“ или фактор; но потому, что этого требует ее *собственная, вполне самостоятельная, божественная природа*. Ее самоосвобождение есть, в известном смысле, проявление „необходимости“, но именно спекулятивной, т. е. *внутренней, органической необходимости, совпадающей с истинною свободю*.¹ Движение Божества к свободе есть проявление *божественной добровольности*.

И вот, характер этой *божественной добровольности* должен быть непременно присущ и *единичной воле* для того, чтобы она, обращаясь в качестве модуса субстанции к своей „всеобщей“ глубине и сливая свою „особенную“ волю с первоначальными истоками своего существа, была *достойным носителем Божьего дела*. Акт *совести* как познавательный порыв и созидающее достижение есть не только „всеобщий“ акт субстанции, но и „единичный“ акт лица, и не только достижение индивидуума, но и достижение *самого Духа*. Поэтому этот акт должен и в личной душе сохранить характер *божественной добровольности*, т. е. спекулятивной, органически-внутренней необходимости, совпадающей с истинною свободю. И для этого *субстанция должна определить себя к эмпирической особенности и индивидуальной самостоятельности*; она должна отпустить себя в виде „лица“ и „множества лиц“ на простор метафизически эмпирического самоопределения на свободу *единичного духа в единичной душе и в единичном теле*. Свобода субстанции должна найти себе средоточие и жилище в *самостоятельности индивидуума* и только тогда его самоосвобождение будет ее самоосвобождением.

Поэтому субстанция должна принять до конца условия конкретного-эмпирического мира, включая и *множественную дискретность явлений, и телесно-чувственную форму существования, и самобытность единичных существ*; она должна разделиться, разойтись на множество телесно и душевно разобщенных, единичных людей с тем, чтобы *в них и через них, соблюдая их самостоятельность, или, вернее, соблюдая в них свою „особенную“ самостоятельность, победить стихию эмпирического существования и осуществить действительный образ нравственности*. Всеобщая воля движется к свободе и достигает ее именно в *виде единичной воли*, однако с тем, что индивидуум

¹ См. главу тринадцатую.

остаётся существом самостоятельным, „совершенно самостоятельным“, ¹ которому столь же доступно „сливаться“ ² со Всеобщим, сколько и относиться к нему безразлично, не поддаваться его воздействию и даже противопоставлять его себе и извращать его.³

Разбредаясь на множество таких самостоятельных индивидуумов, субстанция создает себе в их лице органическую периферию, каждому члену которой даны обе возможности: отпасть, замыкаясь в своей „особенности“, и, наоборот, обратиться к своим всеобщим метафизическим корням, утверждая в них свою сущность. В первом случае победа остаётся за конкретным-эмпирическим, и нравственность не получает, характера зрелого „образа мира“. Во втором случае личность добровольно и свободно отворачивается от эмпирической стихии своего существования и та покорно „сообразует“ свой пульс с ритмом субстанциальной жизни; тогда Всеобщность получает свою „действительность“, ⁴ т. е. свое адекватное „существование“, ⁵ полноту своей „реализации“, ⁶ тогда утверждается та „свобода“ индивидуального духа от эмпирической закономерности, ⁷ которая есть в то же время свобода индивидуума в субстанции и свобода субстанции в индивидууме: нравственность является в виде зрелого „образа мира“, ⁸ нового строя и порядка, в виде второй „природы“.⁹

Таким образом, „индивидуальность“ есть тот способ жизни, в котором субстанция, через самосознание и волю, утверждает свою свободу: субъект является „почвою для адекватного существования свободы“.¹⁰ Жизнь нравственной субстанции есть всегда в конечном счёте жизнь ее единичных участников. Их „души“ ¹¹ сплетают собою ее духовный уровень, ¹² их деятельность ¹³ слагает собою ее целесообразное творчество; их живое пульсирование ¹⁴ составляет ее собственную жизнь; ¹⁵ их послушное служение ¹⁶ сообщает ей ее органическую „текучесть“.¹⁷

¹ „vollkommene Selbständigkeit“: Phän. 264. ² „zusammen zu fließen“: Phän. 230. ³ „ganz gleichgültig sich zu verhalten“, „nicht auf sich einwirken zu lassen“, „sich entgegengesetzt zu verhalten“, „zu verkehren“: Phän. 230. ⁴ Cp.: Phän. 326. 328—329. 332. Enc. III. 391. Recht. 207. 210. 211. 218—219. ⁵ „Dasein“: Phän. 326. 332; „Existenz“: Recht. 219. 312. ⁶ „in der Vielheit des daselenden Bewusstseins realisiert“: Phän. 332. Курсив Гегеля. ⁷ Cp.: W. Beh. 414. ⁸ Cp.: „erscheinende Gestalt“: Recht. 211. ⁹ „die selbstbewusste Freiheit zur Natur geworden“: Enc. III. 391. ¹⁰ „die Subjektivität, welche den Boden der Existenz für den Freiheitsbegriff ausmacht... ist im Sittlichen die ihm adäquate Existenz desselben“: Recht. 219. ¹¹ „Seele“. Phän. 328—329. ¹² Cp.: „durch das Princip der Individualität zur eignen Geistigkeit gelangt“: Recht. 392. ¹³ „Thun“: Phän. 265. 328; „bewirkt“: Phän. 328; „Bethätigung“: Enc. III. 391; „Handeln“: Recht. 210; „Thätigkeit“: Recht. 312. ¹⁴ „Pulsschlag“: W. Beh. 396. ¹⁵ Cp.: Phän. 328—329. 353. Recht. 268. ¹⁶ „Gehorsam und Dienst“: Phän. 529. ¹⁷ „dies flüssige Wesen“: Phän. 529.

Именно единичная душа несет в себе ту способность к сознанию¹ и воле,² которая необходима субстанции для того, чтобы стать духом. Самосознание есть функция индивидуальной „самости“ и только через нее, через ее мышление и познание³ субстанция может приобрести свой высший уровень: стать через акт совести субъектом, познавшим свою сущность,⁴ или, что то же, в качестве субъективного самосознания узреть в себе завершающий момент субстанциального бытия.⁵

Таково значение и назначение единичного человека в жизни субстанции: свободно восхотеть свободы и обрести ее в слиянии с субстанцией, в отождествлении своей свободы со свободой Всеобщего.⁶ Индивидуальный способ бытия необходим духу, и „субъективная особенность“ есть поистине „существенный момент“⁷ в процессе божественной жизни: человеческая жизнь есть та внешняя форма, под которой нравственность является в мире.⁸ Индивидуум есть „чистая форма субстанции“, а субстанция „составляет содержание“ индивидуума.⁹

Понятно, что Гегель, говоря о „снятии“ или „подъятии“ человеческой „единичности“, не может разуместь полного уничтожения индивидуальности, доходящего до исчезновения личного бытия. То, что „снимается“, или, точнее, то, от чего индивидуум освобождает себя, есть дурная эмпирическая самозаконность и самобытность, деградирующая жизнь субъекта настолько же, насколько и жизнь субстанции: это есть элемент инобытия в мировой действительности.

В самом деле, предметное и адекватное восприятие добра и слияние с ним возможно только при условии такого личного катарсиса. Для того, чтобы душа человека серьезно углубилась в сущность нравственной объективности и стала действовать из ее глубины,¹⁰ необходимо, чтобы она завершила „суровую работу, направленную против чистой субъективности в поведении, против непосредственности алкания, а также против субъективной тщеты ощущений и произвольного усмотрения“.¹¹ Она должна „забыть о себе самой и отказаться от себя“.¹² Она должна понять, что

¹ Ср., напр.: Phän. 332. 333. ² Ср.: Phän. 326. 444: „der allgemeine Willen geht in sich und ist einzelner Willen“. См. главу пятнадцатую. ³ Ср.: Phän. 326. Enc. III. 391. Recht. 268. 312. ⁴ Ср.: Phän. 483. ⁵ „das Selbstbewusstsein sieht als Moment des Fürsichseins dieser Substanz weis“: Phän. 315. ⁶ Ср.: W. Beh. 362. 367. Phän. 283. Enc. III. 392. 433. Recht. 68. ⁷ Recht. 268. ⁸ Ср.: Lass. II. 469. 474. ⁹ „ist die Individualität reine Form der Substanz, die der Inhalt ist“: Phän. 349. ¹⁰ „in den Ernst desselben (des sittlich Objektiven) sich zu vertiefen und aus ihm zu handeln: Recht. 203. ¹¹ „harte Arbeit gegen die bloße Subjektivität des Benehmens, gegen die Unmittelbarkeit der Begierde, sowie gegen die subjektive Eitelkeit der Empfindung und die Willkür des Beliebens“: Recht. 253. ¹² „Sich selbst vergessend und auf sich Verzicht thend“: Recht. 203. См. главу третью.

в вопросах добра, нравственности, религии случайное и субъективное мнение¹ мертво и беспомощно; что перед лицом *откровения* всякая прилепленность к себе,² всякое своекорыстие,³ „самомнение“⁴ и „своеволие“⁵ должны отпасть, а всякая ссылка на „своеобразное мировоззрение“⁶ и на „собственное убеждение“⁷ должна умолкнуть. Это не значит, что *личная убежденность* индивидуума становится неважной; но это значит, что она *сама по себе* ничего не доказывает и не обосновывает. Человек должен отказаться во всех отношениях от *эмпирического эгоцентризма* и перестать дорожить „формальной стороной“⁸ своего „особенного“ существования. В самом деле, как воспримет душа новое божественное содержание, если она погружена в вечное созерцание *себя*,⁹ гнетущее грешников Дантова ада,¹⁰ если она привыкла *решать* все высшие вопросы по *собственному* усмотрению,¹¹ если она, *внемя зову* Высшего, не узнает в нем единого искомого, но дрожит от уязвленного самомнения? Можно прямо сказать, что те, которые не работают над очищением¹² своей души от дурных знаков эмпирической субъективности, те, которые уклоняются от *труда*, *подъемлющего* „субъективность к познанию истины“,¹³ а ее страдание к высшей Объективности и Необходимости,¹⁴ вносят в нравственную жизнь только „разрушение, суемыслие и отвратительное искажение“,¹⁵ и сами влачат свои дни в „безнравственном расслаблении“.¹⁶

Все то, что присуще индивидууму как отъединившемуся и обособившемуся существованию; все то, что характеризует человека как *отпавшего* от единственно-подлинного, божественного средоточия всего мира; все то, что увлекает его, оторвавшегося и „объявившего своеволие“,¹⁷ — все это должно быть отмечено и устранено для того, чтобы душа человека, „освободившись от всего“¹⁸ эмпирически-субъективного, разочаровавшись в своей дурной „единичности“,¹⁹ могла беспрепятственно „поднять“ ее²⁰

¹ Ср.: против „Meinung“: Enc. III. 428. Recht. 11. 14. 337. 374. ² „die an sich selbst festhängende Subjektivität“: Glaub. 108. ³ „Selbstsucht“: Enc. III. 428. Rel. I 163; „Eigensucht“: Rel. I. 75—76; „Uneigennützigkeit“: Lass. II. 469. ⁴ „Eigendünkel“: Recht. 337. ⁵ „Eigenwilligkeit“: Recht. 218. ⁶ „eigenthümliche Weltansicht des Individuums“: Recht. 196. ⁷ Ср.: Recht. 16. 196—197. ⁸ „formelle Seite“: Recht. 175. ⁹ „diese ewig auf das Subjekt zurück gehende Betrachtung“: Glaub. 108. ¹⁰ Ср. о Данте и Гёте: Glaub. 108—109. ¹¹ Ср.: Recht. 192. 197—199. 374. ¹² „Reinigung“: Enc. III. 428. См. главу третью. ¹³ Recht. 336. ¹⁴ W. Beh. 358. ¹⁵ „Zertrümmerung“, „Albernheit und Abscheulichkeit“: Recht. 336. ¹⁶ Ср.: „Unsittlichkeit der Ohnmacht“: W. Beh. 358. ¹⁷ См. главу первую. ¹⁸ „von allem Subjektiven befreit ist“: Lass. II. 467. ¹⁹ „Einzelnein vertilgt“: Lass. II. 467; „Vernichten der Subjektivität“: Glaub. 150 и др. ²⁰ „In der wahren Sittlichkeit die Subjektivität aufgehoben ist“: Glaub. 150; „nicht als Subjektives zu sein, sondern durch die Tätigkeit des Subjekts selbst die Subjektivität aufzuheben“: Enc. III. 369.

к „абсолютному реальному единобытию с Абсолютным“,¹ могла свободно, удовлетворенно и радостно вступить в лоно божественной субстанции. Человеку необходимо понять, что *главное и существенное* скрывается не в том, что делает людей *особенными и непохожими* друг на друга, но в том, что *едино и обще* для всех; он должен понять, что только через это *единое и общее* получает свой смысл и свое значение индивидуальная своеобразность индивидуума. Поэтому не стоит каждому настаивать на своем „отличии“,² на оригинальной самобытности³ своего характера, на „чистой субъективности“ своего поведения:⁴ человек как орган субстанции не имеет оснований дорожить своею „душою“, ее застывшими определениями⁵ и ее эмпирической ограниченностью,⁶ ибо его ждет высшее назначение.

Однако это совсем не означает, что *всякая субъективная особенность, всякое право на свободу и на удовлетворение* действительно погибают или исчезают без остатка в этом „снятии“ и „подъятии“. Напротив, согласно общему закону, все снятое или поднятое сохраняется в меру своей истинности и органически включается в высшее образование; но только сохраняется и включается в обновленном, освященном и перерожденном виде. Это означает, что „*нравственная субстанция*“, которая есть истина „*разумного самознания*“,⁷ *как бы возвращает* индивидууму все то, что было им *как бы утрачено*.

Нравственная субстанция прежде всего не упраздняет субъекта в его сущности; наоборот, она „*безусловно и просто оставляет* (субъективность) в составе сущего и дает ей устойчивость и реальность именно тем, что предоставляет ее *сущности* быть тем, что она есть; в нравственности интеллигенция остается в качестве таковой“.⁸ Вступая в состояние нравственности, человек как *единичная, субъективная душа* не перестает *быть*, хотя элементы *дурной субъективности* и эмпирической единичности смиряются в нем. Человек остается единичным субъектом, но *единичность* его насыщена субстанциальною *Всеобщностью*, а *субъективность* его проникнута истинною, божественною *Объективностью*. „Добро“ и „субъективность“ являются *одинаково необходимыми* ингредиентами нравственности и состоят в *конкретном тождестве*.⁹ Это означает, что самостоятельный и свободный, одинокий труд *личной души* над ее собственным очищением *завершен* и что осуществилось то спекулятивное

¹ W. Beh. 393. ² „Differenz“: Lass. II. 469. ³ Ср.: „Eigenes“: Lass. II. 469. „eigne Wesenheit“: Phän. 349; „eigenthümlich“ Recht. 196. ⁴ Recht. 253. ⁵ „feste Bestimmung“: Phän. 529. ⁶ Ср.: „beschränktes Leben“: Phän. 444. ⁷ Phän. 268. ⁸ Lass. II. 452. Курсив автора. ⁹ Recht. 207. 208.

тождество ее со Всеобщим, которое составляет основную природу личной добродетели.

Личная добродетель (Tugend) есть „истинная нравственность единичного“ человека,¹ т. е. „истинное; живое неподчиненное единобытие его“ с „величием абсолютной нравственности“.² Добродетельный человек есть „нравственная личность, т. е. субъективность, проникнутая субстанциальной жизнью“.³

Добродетельный человек знает и реально испытывает себя самого, свою собственную сущность, главное и подлинное существо своей личности — не единичным и не особенным, а всеобщим.⁴ Он испытывает себя, как подлинное состояние божественной субстанции;⁵ и чувствуя, сознавая это, он не обманывается и не ошибается, но адекватно переживает действительное обстояние: его „эмпирическое бытие и делание“ есть в самом деле „безусловно всеобщее“, ибо, когда он действует, то „действует не индивидуальное, но всеобщий, абсолютный Дух в нем“.⁶ Дух индивидуума вступил здесь в новую „вечную“⁷ жизнь, и его „особенная“ душа познала наконец себя, как живой модус Всеобщего. Это значит, что единичный человек нашел „свое собственное“,⁸ настоящее существо, свою „внутреннюю всеобщность, которую он“ теперь „действительно“ обладает.⁹ Душа, которая перестала испытывать свое конкретное-эмпирическое, „особенное“ своеобразие важным, главным и центральным, не только не утратила совсем свой главный центр, но, наоборот, впервые обрела его: она перестала отличать себя от субстанции и утвердила центр своей личности как всеобщий. „Нравственно-бесконечное, или Понятие, и нравственно-конечное, или индивидуальность, стали безусловным и простым единством“.¹⁰

Понятно, что каждое деяние добродетельного человека не есть ни самостоятельное дело его эмпирической субъективности, ни попирающее субъективную свободу выступление Субстанции, но уверенный и свободный акт индивидуального „характера“, совпадающий с проявлением тождественной субъекту „абсолютной сущности“.¹¹ Добродетельный человек живет так, что

¹ Cp.: Lass. II. 469. 470. Beh. 338. Phän. 563. ² das „wahrhafte lebendige nicht unterwürfige Einssein“ „mit der absoluten sittlichen Majestät“: W. Beh. 338. ³ „sittliche Persönlichkeit, d. i. die Subjektivität, die von dem substantiellen Leben durchdrungen ist“: Enc. III. 392. ⁴ Cp.: „die Individualität sich als Allgemeines zum Gegenstande wird“: Phän. 280. ⁵ „und das sittliche Selbstbewusstsein ist das Bewusstsein der Substanz“: Phän. 348—349. ⁶ „sein empirisches Sein und Thun ist ein schlechthin allgemeines; denn es ist nicht das Individuelle, welches handelt, sondern der allgemeine absolute Geist in ihm“: Lass. II. 465. ⁷ „In der Sittlichkeit ist also das Individuum auf eine ewige Weise“: Lass. II. 465. ⁸ Cp.: „ihr eigenes Wesen“. Recht. 219. Курсив Гегеля. ⁹ Cp.: die Individuen „ihre innere Allgemeinheit wirklich besitzer“: Recht. 219. Курсив Гегеля. ¹⁰ „Schlechthin Eins sind“: Glaub. 148; cp.: Glaub. 106. W. Beh. 361. Enc. III. 285 (Z.). ¹¹ Cp.: Phän. 552.

его самосознание есть самосознание субстанции, осуществившееся силами его души; он живет так, что его личная и субъективная воля, оставаясь свободной, совпадает по содержанию и по реальной активности со сверхличной и объективной волей абсолютного Духа. „Единичность“ души не исчезает, но становится истинною, спекулятивной единичностью, тогда как эмпирическая единичность человека оказывается „несущественной“.¹ Однако эта несущественность добровольно приемлется добродетельным человеком и свободно утверждается им, ибо он в самом деле усмотрел и признал, что всеобщая Субстанция не есть чуждая ему сила, но его собственная подлинная сущность. „Величие абсолютной нравственности“ живет в человеке и познается им как сила, имманентная ему. Но в этом видимом „возвеличении“ нет оснований и повода к гордости и превознесению, ибо оно открывается только через отказ от личного эмпирического самочувствия, а метафизическое самочувствие индивидуума есть уже самочувствие самой Субстанции, не имеющей оснований и повода чувствовать себя превознесенною. „Субстанция является“ в человеке как тот „пафос“, который наполняет и движет его; но этот „пафос“ составляет в то же самое время „характер“ этого человека.²

Так слагается то замечательное положение двусторонности, в котором пребывает всегда добродетельная душа: с одной стороны, ее своеобразность и ее оригинальная самобытность „сняты“ ею самою и „подъяты“ Духом; с другой стороны, они сохраняются в ней и поддерживаются жизнью абсолютной Субстанции. В этом не скрывается никакого внутреннего противоречия, ибо содержание „субъективной особенности“ переродилось после того, как она целиком приняла и осуществила свое спекулятивное тождество со Всеобщим.

Это перерождение содержания состоит, во-первых, в том, что оно перестало быть изолированным, застывшим отъединенным достоянием личной души, но вступило в процесс органической ассимиляции. Однако ассимилирующий процесс не в силах искоренить индивидуальное своеобразие человека: иная первоначальная ткань³ у каждой души ведет к непрерывным содержательным „ново-образованиям“, и спекулятивный симбиоз предполагает возможность бесконечного обмена дарами.⁴ Каждая душа и после ассимиляции, и во время ее сохраняет свою особливость (не обособленность), и процесс духовного катарсиса не направлен к тому, чтобы совершенно покончить с этим „ассимилированным своеобразием“.

¹ „ein Unwesentliches: Log. III. 187. ² „ein Pathos, das zugleich sein Charakter ist“: Phän. 353. sp.: 354. ³ См. главы седьмую и восемнадцатую. ⁴ См. главы седьмую и восемнадцатую.

Перерождение содержания состоит, во-вторых, в том, что „особливость“ индивидуума *теряет свою эмпирическую незначительность и свою природную определенность* и проникается *метафизическим значением и духовною свободою*.

В результате отождествления особенной воли со Всеобщею волею душа человека приобрела уже *правоту, свободу и гармоническую цельность*.¹ Эти-то черты и характеризуют строй и жизнь *добродетельной души*.

Целостная правота души ведет к тому, что *все свойства (Eigenschaften) личного характера становятся нравственными свойствами*,² а нравственные свойства, в свою очередь, *слагаются в целостный образ личной добродетели*.³ Особливый характер лица, его склонности, его темперамент, его отношение к миру и людям и к своему собственному телу,⁴ — все это проникается дыханием нравственной правоты и свободы, все это становится „рефлексией“ абсолютной нравственности в индивидууме,⁵ все это входит органически в строй личного и коллективного духа. Добродетель является в своем зрелом виде в качестве победоносной духовной „энергии“,⁶ целостно осуществляющей себя в *самодеятельности*⁷ индивидуума. Эта самодеятельность родится из *добровольного тяготения души и протекает свободно*; именно благодаря этому „субстанциальные определения разума“ оказываются не навязанными человеку извне, но *рожденными его волею*, родившимися в его собственной душе и сложившимися в ней в цельное „нравственное настроение“ (sittliche Gesinnung).⁸

Добродетель есть прежде всего *личное настроение*, подобно тому как нравственность есть прежде всего состояние субстанции. И в то же время добродетель невозможна без нравственности, а нравственность неосуществима без добродетели. Эту связь можно выразить так, что *личная добродетель* есть *субстанциальное состояние субъективной души*, а нравственность народа есть систематическое, *id est организованное единство таких субстанциальных состояний*, осуществленных индивидуальными душами. Поэтому можно сказать, что „нравственность есть субъективное настроение“,⁹ но разумея под настроением состояние души „внутренне проникнутой“¹⁰ жизнью Духа и „вознесенной“¹¹ на высоту его жизни; это есть настроение сразу „лично-интимное“¹² и субстанциальное; настроение „существенно-пра-

¹ См. главы семнадцатую и восемнадцатую. ² Ср.: W. Beh. 398—399.
³ Ср.: W. Beh. 399. ⁴ Ср.: Enc. III. 392; Ph. G. 27. 28. ⁵ Ср.: Recht. 214.
⁶ Ср.: „Energien“: W. Beh. 399. ⁷ Ср.: Phän. 529. 552. Recht. 253.
⁸ Ph. G. 72. ⁹ „Das Sittliche ist subjektive Gesinnung“: Recht. 208. ¹⁰ „innere Durchdringung“: Recht. 339.
¹¹ „Erhebung der Gesinnung“: Recht. 339.
¹² Ср.: „Innigkeit“: Recht. 235.

вой“ воли,¹ сросшейся и слившейся с „субъективной“ периферией души.

Органическое тождество личного и субстанциального есть то самое, что „сохраняет“ особенность индивидуума и включает ее в высший уровень жизни. Реальная, объективная неразличность человеческой души и божественности народного духа составляет ту основу, на которой утверждаются права личности. Таким образом, по учению Гегеля, права личности не отрицаются и не попираются, но признаются, утвержденные на принципе личной добродетели.

Так, индивидуум, участвующий в нравственной жизни, сохраняет свободу и свое право на нее.²

Это выражается, во-первых, в том, что добродетельный человек имеет право не подчиняться ничему чуждому и действительно не подчиняется. Ведь его „сердце“ нашло в „законе“ свое собственное содержание;³ его сознание убедилось в своем тождестве с разумом и разумными определениями;⁴ его воля узнала себя во Всеобщем; его дух слился с Духом народа. Поэтому добродетельная душа, зная, что „разум“ и „нравственное содержание“ имманентны ей,⁵ живет исключительно тем, что „признано“ ею;⁶ ей не знакома „уродливость“ повиновения,⁷ или, что то же: ее „послушание есть истинная свобода“;⁸ она знает, что не может быть „зависимости“ от таких живых и „священных“ сущностей, как „отечество, народ и законы“⁹ и что жить „по законам“ своего народа значит осуществлять „высшую энергию нравственной свободы“;¹⁰ она творит свою жизнь, не изменяя „нравственному настроению“, т. е. „несовратимо и прочно пребывая в том, что есть правое, и воздерживаясь от всякого изменения, потрясения и сведения его“¹¹ к чему-нибудь якобы „первоначальному“. Добродетельный человек не прельщается идеею „безграничной“ свободы¹² и принимает свое ограничение¹³ как мнимую видимость: ибо он непрерывно испытывает тождество своей „единичной воли“ с „разумною волею“, т. е. „простую действительность свободы“.¹⁴ Ему присуще „нравственное настроение“, и потому он „действительно свободен“.¹⁵

Свобода добродетельного человека выражается, во-вторых, в том, что он сохраняет „право на свою“ индивидуальную „осо-

¹ „des ansich seienden Rechts“: Recht. 208. См. главу шестнадцатую. ² Ср.: Recht. 219. W. Beh. 338 и др. ³ Ср.: Phän. 279. 280. 283. См. главу шестнадцатую. ⁴ Ph. G. 72. ⁵ Ср.: Enc. III. 432. Recht. 63. ⁶ „das Anerkanntsein“: Recht. 376. ⁷ Ср.: Diff. 248. ⁸ „Welcher Gehorsam selbst die wahrhafte Freiheit ist“: Enc. III. 432—433. ⁹ Glaub. 107. ¹⁰ Glaub. 107—108. ¹¹ Phän. 325. ¹² Ср.: Phän. 528. ¹³ Ibidem. ¹⁴ Enc. III. 376—377. ¹⁵ Enc. III. 375. Курсив Гегеля.

бенность“¹ и на осуществление своего „особенного“ интереса. В нравственной жизни народа дело обстоит так, что добродетельная личность видит свой личный, особый интерес в поддержании всего социального организма — в его целом и в его частях, и вследствие этого она получает право поддерживать себя в качестве необходимого члена организма: всякий модус субстанции есть ее орган, а всякий орган есть своеобразное и органически незаменимое видоизменение всеобщей сущности. Отсюда проистекает право его на удовлетворение. „Цель, для которой я должен действовать, должна быть так или иначе и моею целью“,² для того чтобы я мог вложить в нее мое убеждение, мое участие, мой интерес, для того чтобы она поглотила все силы моей воли и всю личную страсть моего особенного духа; ибо „ничто великое в мире не осуществилось без страсти“.³ Совершая свое служение, индивидуум находит в нем „свой собственный интерес, свое удовлетворение или свой прибыль“⁴ и „из отношения его“ к государству для него „произрастает некое право“, а через это „всеобщее дело становится его собственным, особливим делом“.⁵ „Таково бесконечное право субъекта находить свое удовлетворение в своей деятельности и работе“.⁶

Таким образом, каждый добродетельный человек знает, что действительность субстанции есть дело его собственной воли и его творчества,⁷ и видит себя свободным, органически включенным и удовлетворенным. Каждый сохраняет неотъемлемое право на участие во „всеобщей свободе индивидуумов“,⁸ и в результате от этой „абсолютной свободы“ не утрачивается ничего,⁹ ибо то, в чем умаляется „естественная“ разнузданность людей, — присущая им, может быть, „от природы“, — не может быть названо „свободою“ и не имеет нравственного значения.¹⁰ Свобода добродетельной души естественно совпадает с высшей органической необходимостью нравственной жизни.

Это выражается с особенною силою в том, что нравственный человек живет целями своего народа, как своими собственными. Он не только не подчиняет нравственность своим „особенным“ целям,¹¹ но начинает с того, что освобождает себя от таких „особенных“ целей и интересов, которые не суть в то же время „всеобщие“. Напрасно думать, что „объективные“ и „субъективные“ цели неизбежно исключают друг друга;¹² напротив,

¹ „das Recht der Individuen an ihre Besonderheit ist ebenso in der sittlichen Substantialität enthalten“: Recht. 219—220; ср.: 268. ² Ph. G. 26. ³ Ph. G. 28; ср.: 26. 27. ⁴ „Rechnung“: Recht. 324. ⁵ Recht. 324—325. ⁶ Ph. G. 27; ср.: Recht. 163. 166. 167. ⁷ Ср.: Phän. 528. ⁸ „die allgemeine Freiheit der Individuen“: Phän. 527. ⁹ W. Beh. 338. ¹⁰ Ср.: „das Natürliche... als ein Aufzugebendes... würde selbst nichts Sittliches sein“: W. Beh. 338. ¹¹ Ср.: Lass. II. 469. ¹² Recht. 166.

при правильном понимании у добродетельного человека они необходимым образом *совпадают в идее абсолютного блага. Цель нравственного народа и цель добродетельной души есть одна и та же цель* и при том она есть *causa finalis*, совпадающая с *causa efficiens*. „Живое добро“ находит в „самосознании“ человека „свое знание и волю“ и в его „деятельности“ — „свою действительность“;¹ и в то же время индивидуальная душа находит во всенародной нравственности свою абсолютную „основу“ и „движущую цель“.² Именно такова была „античная добродетель“: она имела „свою содержательную основу в субстанции народа“ и целью ее являлось поэтому „действительное, уже существующее добро“.³ Личность не отрывала свою цель от *общей* цели, и жизнь ее наполнялась „чувством, сознанием и желанием“ не индивидуальных интересов, но „всеобщих, общих всем членам“⁴ целого.

Добродетельный человек живет так, что видит свою „движущую цель“,⁵ т. е. свой „предмет“, „свою силу“⁶ и свой мотив — во Всеобщей стихии: „его цель есть всеобщая цель, его язык есть всеобщий закон, его дело есть всеобщее дело“.⁷ Он знает, что „субстанция есть его собственная сущность“,⁸ мало того, он знает себя, как „всеобщую нравственную сущность“; он знает, что субстанция приняла в нем форму „единичного сознания“;⁹ и в результате этого нравственное настроение приводит к тому, что он перестает быть простою „акциденцией“: он созерцает субстанцию как свою „абсолютную конечную цель“ и как свою „достигнутую посясторонность“ и в то же время он „созидает ее своею деятельностью, но скорее как нечто“ уже „имеющее безусловное бытие“.¹⁰ Он на самом деле пребывает „во Всеобщем“¹¹ и „не умеет быть чистой и самостоятельной единичностью“;¹² он *знает и приемлет и осуществляет* в жизни то, что соответствует подлинному, метафизическому положению вещей: *свою органическую вращенность в целое*. Поэтому он ищет и находит свое „оправдание“,¹³ свою „объективность, истинность, нравственность“,¹⁴ свою цель и „свое достоинство“¹⁵ — только как участник „тотальности“,¹⁶ „всеобщности“,¹⁷ как *гражданин государства*¹⁸ и *член сословия*.¹⁹ Подобно растению, крепнущему, цветущему и благоухающему в лучах солнца, человек

¹ Cp.: Recht. 210. ² Cp.: Recht. 210. ³ Phän. 291. ⁴ Ph. G. 43.
⁵ Recht. 218. ⁶ Recht. 219. ⁷ Phän. 443. ⁸ Die Person aber weiss...
jene Substanz als ihr eigenes Wesen“: Enc. III. 391. ⁹ Cp.: „Die Allgemeinen
sittlichen Wesen sind also die Substanz als Allgemeines und sie, als einzelnes
Bewusstsein“: Phän. 343. ¹⁰ Cp.: Enc. III. 391—392. ¹¹ „im Allgemeinen“:
Lass. II. 481. ¹² Phän. 267. ¹³ „Rechtfertigung“: W. Beh. 415.
¹⁴ Recht. 313. ¹⁵ „Würde“. Recht. 218. ¹⁶ W. Beh. 415. ¹⁷ Cp.:
Recht. 218. ¹⁸ Recht. 313. ¹⁹ Cp.: Enc. III. 396. Recht. 268. 269. 308.
309.

приобретает самостоятельность, зрелость и существенность в лучах своей государственной субстанции.¹ Взятая сама по себе, добродетель *единичного человека* остается пустою возможностью и только принадлежит к *особенному сословию*, сложившемуся *во всеобщности государства*,² дает ему действительную „признанность“,³ „добропорядочность“,⁴ „заслугу“⁵ и „честь“.⁶

Этим определяется и *назначение человека*. Оно состоит в том, чтобы *добровольно и свободно жить содержанием и целями Субстанции*. „Назначение индивидуумов — вести всеобщую жизнь“,⁷ растворенную в живом народном духе,⁸ и к этому-то назначению человек готовится *воспитанием*. Ибо „педагогика есть искусство делать человека нравственным“.⁹

Истинное *воспитание* научает человека не просто „любить“ свое отечество, свой народ и его законы, но „вести абсолютную жизнь в отечестве и ради народа“.¹⁰ Дитя, как „возможность нравственного индивидуума“, вырастает в постепенном освобождении от всего чисто субъективного и потому „негативного“;¹¹ оно непрерывно приучается ко „всеобщим интересам, воззрениям и занятиям“¹² и не тяготеет к неосуществимому идеалу „своеобразной и отъединенной“ добродетели.¹³ Оно „вскармливается у груди всеобщей нравственности“ и сначала живет, „созерцая ее как некую чуждую сущность“,¹⁴ но постепенно оно все более научается „понимать“ ее и „так переходит во всеобщий Дух“.¹⁵ Лучшее воспитание есть то, которое делает человека „гражданином благоустроенного народа“,¹⁶ или, что то же, „гражданином государства с хорошими законами“.¹⁷

Понятно, что жизнь добродетельного человека является по внешней видимости *непрерывным самоотречением* и что она может быть даже изображена как жизнь, *исполненная обязанностей*. Индивидуум „отдает себя“,¹⁸ „приносит себя в жертву“,¹⁹ осуществляет по отношению к народу и государству систематическое „бескорыстие“.²⁰ Он обнаруживает этим, что он верен своим „обязанностям“,²¹ что он знает и исполняет то, что ему „предначертано“,²² как обязательное и „необходимое“.²³ И если понять все эти термины рассудочно или в обычном смысле, то состояние добродетельной души уподобится *моральному состоянию*.

¹ Enc. II. 529 (Z). ² Ср.: W. Beh. 399. См. главу пятую. ³ „Anerkannt sein“: Enc. III. 396. Recht. 309. ⁴ „Rechtschaffenheit“: Enc. III. 396. Recht. 309 и др. ⁵ „Verdienst“: Recht. 268. ⁶ „Ehre“: Enc. III. 396. Recht. 308. 309. ⁷ Recht. 313. ⁸ Phän. 267. ⁹ Recht. 218 (Z.).
¹⁰ Lass. II. 469. Курсив автора. Ср.: Recht. 233. ¹¹ W. Beh. 399. ¹² Recht. 387. ¹³ W. Beh. 399—400. ¹⁴ W. Beh. 399. ¹⁵ W. Beh. 399.
¹⁶ „Zum Bürger eines wohlgegerichteten Volkes“: W. Beh. 400. У Гегеля ссылка на Диогена Лаэртца. VIII. § 16. ¹⁷ Recht. 219. ¹⁸ „Hingeben“: Recht. 422. ¹⁹ „Sich aufopfern“: Phän. 265. Enc. III. 392. Recht. 420. 422.
²⁰ „Unelgennützigkeit“: Lass. II. 469. ²¹ Ср.: Ph. G. 46. ²² „vorgezeichnet“: Recht. 215. ²³ „nothwendig“: Recht. 213. 213—214.

Такое понимание добродетели было бы, однако, совершенно неверным.

Душа человека, восходящего к добродетели, действительно „отрекается“ и „приносит“ нечто „в жертву“; но то, *от чего* она отрывается и *что* она приносит в жертву, отнюдь не *есть она сама*. Потому что ее *подлинная, существенная самость* субстанциальна и всеобща, а не акциденциальна и не единична: она уже не есть собрание случайных, эмпирических свойств и состояний; она *духовна и абсолютна*.

Душа восходящего к добродетели человека, „отрекаясь“ от сковывающих и обременяющих ее элементов *инобытия*, совсем не отрывается *от себя*; напротив, она *впервые находит себя*. Но она не утрачивает и того, от чего она отсеклась; напротив, она *впервые приобретает „отвергнутое“* в его истинном, *покорном духу, одухотворенном* виде. Это отречение от „не—я“ есть восхождение к „абсолютному Я“ и в то же время овладение непокорным „объектом“ (Фихте). Это отречение имеет характер „жертвы“ только для того, кто еще не освободился от гнета объекта, кто еще не познал, что *объекта нет*, а есть только свободный субстанциальный Дух.¹ Жертвующий прикован к тому, что он жертвует, и, отрекаясь, испытывает *утрату*. Добродетельный человек не знает этого чувства: он реально пережил сначала *извлечение себя* из эмпирического, случайно-необходимого царства объекта, а потом *перенесение своего личного центра в Субстанцию и растворение личной души во Всеобщности*. Поэтому он знает, что „отречение“ его не было ни „утратой“, ни „самоотречением“ и что отныне его „самопожертвование“ может быть только *утверждением себя в новой, высшей форме сверхличного бытия*: ибо субстанциальное не гибнет и не уменьшается, но преодолевает и восходит к новому расцвету.

„Из чаши абсолютной субстанции нравственное сознание наполнилось забвения о всякой односторонности для себя бытия, о своих целях и своеобразных понятиях“ и „утопило в этих стиксовых водах всякую собственную сущность“² и всякое отъединенное существование. „В нравственной жизни самость (человека) погружена в дух его народа“³ и добродетельная душа „имеет свое существование только в своей Всеобщности“.⁴ *Личный дух и народный дух суть едино*⁵ и только через утверждение этого единства, только через это „погружение“ и „отождествление“ индивидуум приобретает свою истинную самостоятельность.⁶ И самостоятельность эта такова, что она есть *самостоятельность*

¹ См. главы четвертую, двенадцатую, тринадцатую и восемнадцатую.

² Phān. 349.

³ Phān. 563.

⁴ Phān. 353.

⁵ „Einssein“: W. Beh. 372.

⁶ Ср.: Phān. 265.

самой Субстанции, существующей под видом индивидуальной души: отличие „субъекта“ от „Субстанции“ формально продолжает существовать, но в сущности оказывается мнимым.¹

Такое спекулятивное тождество нравственного человека с его народом выражается в двух основных добродетелях, присущих ему: доверии и храбрости. Эти две добродетели вместе лежат в основании того, что Гегель называет „политическим настроением“ или „патриотизмом“.²

Доверие³ есть „сознание того, что мой субстанциальный и особенный интерес сохраняется и содержится в интересе и цели другого (здесь — государства)“ и что таково „отношение его ко мне как единичному“; отсюда вытекает, что „этот другой есть для меня непосредственно не другой и я свободен в этом сознании“.⁴ В зрелой и чистой народной жизни доверие есть устойчивый способ отношения, связующий людей друг с другом: „истинное, нравственное настроение“ состоит в уверенности, что и другие единичные люди знают взаимно о своем тождестве с Субстанцией и действительно пребывают в этом тождестве⁵ и в совпадении интересов: я доверяю всем в том, что они срастили свою „особенность“ со „Всеобщностью“, и знаю, что они знают о моем доверии; и все доверяют мне в том, что я слил мою жизнь с Субстанцией, и они знают, что я знаю об их доверии. В результате каждый знает о том, что его подлинная субстанциальность признана всеми, и каждый живет со всеми в спекулятивной конкретности. В этом всепроникающем доверии лежит глубочайшая и вернейшая из политических „гарантий“: „граждане“, „общины“, „правители“, связанные единым духом, субстанциальным интересом и взаимным доверием, ведут „органическую государственную и народную жизнь“ и владеют истинным смыслом „правления и подчинения“.⁶ И высшей степени эта связь достигает тогда, когда „более или менее интеллигентное понимание ее“⁷ превращается в „адекватное познание“,⁸ в котором „нравственные силы“⁹ дают субъекту „духовное знамение“¹⁰ о своем тождестве с ним: тогда нравственная конкретность закрепляется „мыслящим понятием“,¹¹ и добродетельная душа связуется с государственной субстанцией отношением, „еще более тождественным, чем самая вера и до-

¹ „Die Subjektivität ist selbst die absolute Form und die existierende Wirklichkeit der Substanz, und der Unterschied des Subjekts von ihr als seinem Gegenstande, Zwecke und Macht ist nur der zugleich ebenso unmittelbar verschwundene Unterschied der Form“: Recht. 218—219. ² „Die politische Gesinnung“, „der Patriotismus“: Recht. 329. ³ „Zutrauen“, „Vertrauen“: Enc. III. 392. Würt. 243. Recht. 212. 329. ⁴ Recht. 329. ⁵ Enc. III. 392. ⁶ Cp.: Würt. 243. ⁷ Recht. 329. ⁸ Recht. 213. ⁹ „die sittlichen Mächte“: Recht. 211. ¹⁰ „das Zeugniß des Geistes“: Recht. 212. ¹¹ Recht. 213.

верие“,¹ весь строй жизни созерцается „в Боге“ и приобретает свое истинное, философски освященное значение.

Добродетель как *сознательное отождествление себя с субстанцией*² получает свое окончательное выражение и закрепление в *храбрости*.³

Храбрость есть „высшее отвлечение“ свободного духа „от всех особенных целей, владений, наслаждений и жизни“,⁴ совершаемое человеком ради своего народа, ради „истинной абсолютной конечной цели — суверенитета Государства“.⁵ Это „негативное“⁶ отношение индивидуума к своему внешнему существованию⁷ важно, конечно, не само по себе, но именно по той „цели“ и по тому „содержанию“,⁸ которыми наполнено „внутреннее настроение“⁹ и от которых это „мужество“¹⁰ только и получает свое значение. Народ как целое живет в виде *самостоятельного организма*, и добродетельный человек признает себя живым видоизменением этой народно-государственной субстанции: „нравственная индивидуальность непосредственно и по существу едина с этой своей Всеобщностью и не может пережить той гибели, которая угрожает *его* нравственной Субстанции со стороны противоположной“.¹¹ И вот, он „недвусмысленно“ доказывает свое единство с нею тем, что приемлет „опасность смерти“,¹² „отдавая“ свою „личную действительность“¹³ и утверждая этим „тщету того, что в самом деле „суетно и тщетно“¹⁴ по сравнению с высшей целью „поддержания всеобщей субстанции“.¹⁵ Этим определяется значение храбрости как „*добродетели самой по себе*“, содержащей в себе „индифферентную“ основу всех остальных добродетелей и в то же время сохраняющей „формальный“ характер,¹⁶ ибо основная природа всякой добродетели состоит, отрицательно говоря, в *свободе личного духа от конкретно-эмпирической единичности*, а положительно говоря, — в *сознательном отождествлении себя с Субстанцией*. Поэтому храбрость как способность к высшему „отчуждению“¹⁷ от личного инобытия есть действительное „существование свободы“,¹⁸ как способность к механическому подчинению *внешнему*

¹ Recht. 212. ² Ср.: Enc. III. 392. ³ „Tapferkeit“: Lass. II. 470. W. Beh. 372. 373. Enc. III. 419. Recht. 421. 423 и др. ⁴ Recht. 421. ⁵ Recht. 422. См. главу двадцатую. ⁶ Ср.: Lass. II. 470. W. Beh. 372. Enc. III. 419. Recht. 421. ⁷ Recht. 421. ⁸ „der Zweck und Inhalt giebt diesem Muthe erst die Bedeutung“: Recht. 422—423. ⁹ „innere Gesinnung“: Recht. 421. ¹⁰ Recht. 422. ¹¹ Phän. 353. ¹² W. Beh. 372; ср.: Lass. II. 470. ¹³ Recht. 422. ¹⁴ „die Vereitlung des dagegen Elteln“: Enc. III. 420. ¹⁵ „die Erhaltung der allgemeinen Substanz“: Enc. III. 420. ¹⁶ „die Tugend an sich, aber die formale“, „die Indifferenz der Tugenden“: Lass. II. 470; ср.: W. Beh. 381. ¹⁷ „Entäusserung“: Recht. 422. ¹⁸ „Existenz der Freiheit“. Recht. 422.

(военному) *порядку*¹ она есть высшая субстанциальная и сознательная самостоятельность;² как „полнейшее устранение собственного мнения и рассуждения“, т. е. как „отсутствие собственного духа“,³ она есть „интенсивнейшее“ „*присутствие Духа*“,⁴ так, что „враждебнейшая“ личная борьба с индивидуальными врагами питается не личной ненавистью, но *сверхличным мужеством*.⁵

При таком понимании храбрость является *основанием* личной нравственности и в потенции — *венцом всех добродетелей*.⁶ И если человек, завершая этот высший труд свой⁷ в защиту нравственной субстанции, приемлет личную смерть, то такой конец его *эмпирической единичности* является *высшим взлетом его самостоятельного духа*.

Смерти вообще подлежит только то, что ведет *конкретное-эмпирическое существование*, ибо этот способ „бытия“ несет в самом себе законы процессуальности и эфемерности.⁸ Но *истинный смысл смерти совершенно не определяется распадением эмпирической видимости живого существа*. Жизнь, по самому существу своему, не единична, а всеобща,⁹ и потому она шире и глубже, чем всякая единичная индивидуальность:¹⁰ жизнь как *метафизическая стихия* есть само *Понятие*,¹¹ *абсолютная Идея*,¹² и постольку она „непреходяща“¹³ и остается единственным средоточием бытия.¹⁴ Жизнь в своей сущности не погибает и не может погибнуть. Но в качестве спекулятивной Всеобщности, она может отозвать свою единичность из непосредственного существования и разрешить, растворить ее в своей „индифферентной“ атмосфере.¹⁵ То, что называется „смертью“ человека, есть на самом деле *освобождение его от всех эмпирически-единичных определений* и возвращение его к „чистой свободе“,¹⁶ к *чистому субстанциальному бытию*. „Исчезающая“ в смерти единичность не есть „истинная единичность“,¹⁷ ибо истинная единичность бесконечна и всеобща,¹⁸ как сама поглощающая

¹ Ср.: „in dem Mechanischen einer *äussern Ordnung*“; „Gehorsam“: Recht. 422. Курсив Гегеля. ² Ср.: „*höchste Selbständigkeit des Fürsichseins*“: Recht. 422. Курсив Гегеля. ³ „*Abthun des eigenen Meinens und Raisonnirens, so Abwesenheit des eigenen Geistes*“: Recht. 422. Курсив Гегеля. ⁴ „*Gegenwart des Geistes*“: Recht. 422. Курсив Гегеля. ⁵ Ср.: „*das feindseligste und dabei persönlichste Handeln gegen Individuen*“ ... etc.: Recht. 422; „*der persönliche Muth als ein nicht persönlicher erscheint*“: Recht. 423. ⁶ „*der ganze Kranz der Tugenden*“: Lass. II. 470. ⁷ „*der Tod ist die Vollendung und höchste Arbeit*“: Phän. 396. ⁸ См. главу первую. ⁹ Ср.: Log. III. 247. Enc. I. 121. Enc. II. 617. ¹⁰ „*über das einzelne hinaus ist*“: Enc. I. 121. Курсив Гегеля. ¹¹ См. главу восьмую. ¹² Ср.: Log. III. 328. Enc. I. 389. 391. 408 и др. ¹³ „*unvergängliches Leben*“: Log. III. 328. ¹⁴ „*die absolute Idee ist allein Sein*“: Log. III. 328. ¹⁵ См.: главу восемнадцатую. ¹⁶ W. Beh. 370. ¹⁷ Phän. 165. ¹⁸ „*die Einzelheit als wahre, oder als Allgemeine*“: Phän. 165.

ее Субстанция. Вот почему можно сказать, что „чистая единичность, пребывающая в смерти, есть ее собственное противоположение — Всеобщность“¹ и что эмпирическая смерть человека есть „исход духа“ к новой жизни.²

Поэтому душа добродетельного человека, приемля эмпирическую смерть в борьбе за свой народ, *утверждает свою истинную свободу*³ и *осуществляет свое истинное тождество с Субстанцией*. Восходя „от беспокойства случайной жизни“⁴ к „чистому бытию“,⁵ к „покою простой Всеобщности“,⁶ освобождая „свое бытие“ от своей единичной, ограниченной деятельности,⁷ нравственный человек *свободно и добровольно живет ритмом Субстанции*, сливая себя с нею до конца: *акт Субстанции, отзывающей героя из эмпирической жизни, есть акт самого героя, поспевающего в борьбе за свой народ навстречу своей эмпирической смерти*. „Отрицание“ единичной души есть „утверждение“ единичного духа и возвращение его в лоно всеобщего Духа. Иными словами: эмпирическое „самоотречение“ добродетельного человека есть не „отречение его от себя“, но *духовное самоутверждение его на высшем уровне всеобщей жизни*.

При таком абсолютном совпадении *личной добровольности со сверхличной, субстанциальной необходимостью*, было бы неправильно придавать „спекулятивным обязанностям“ человека значение „морального долга“. Такое понимание добродетели было бы совершенно неверным, потому что оно противопоставляло бы „субъективную душу“ „объективному добру“, тогда как нравственность установила между ними *тождество*.

Для добродетельной души *нравственные обязанности совпадают с ее действительными состояниями* и в то же время с ее *субстанциальными и неотчуждаемыми правами*. В этом обнаруживается высшая цельность „нравственной“ жизни Духа.

В пределах этой жизни можно говорить об „обязанностях“ лишь постольку, поскольку индивидуум, фиксируя свою недостаточную определенность, или свои „особенные“ определения, „отличает“ себя⁸ от субстанциальных „сил“⁹ или функций нравственной жизни. Постольку он созерцает себя не как живущего *в них и ими*, но как стоящего „в отношении к ним“;¹⁰ постольку он не плывет в потоке всеобщей жизни, но „рефлектирует“ на него и видит *нити своих жизненных отношений* как „суб-

¹ W. Beh. 370; ср.: Phän. 336. ² „das Hervorgehen des Geistes“: Enc. I. 395—396. Enc. II. 642 (Z.). ³ W. Beh. 370. ⁴ Phän. 335. ⁵ „das reine Sein“: Phän. 336. ⁶ „die Ruhe der einfachen Allgemeinheit“: Phän. 336. ⁷ „Der Todte, da er sein Sein von seinem Thun oder negativen Eins frei gelassen“: Phän. 337. ⁸ „für das Individuum, welches sich... als das Subjektive und in sich Unbestimmte, oder als besonders Bestimmte unterscheidet“: Recht. 213. ⁹ „die sittlichen Mächte“: Recht. 211; „Gewalten“: Recht. 212. ¹⁰ „im Verhältnisse zu ihnen“: Recht. 213. Курсив Гегеля.

станциальные¹ „связи“² или как „обязанности“, связующие его волю.³ Однако это *выпадение* личности из единого, всеобщего потока, придающее его творческим силам значение „требований“,⁴ не характерно и не существенно для добродетельной души. Напротив, ей свойственно *утверждать себя в этих силах и законах*⁵ и жить ими, как своими собственными; ей свойственно культивировать их доброю и свободною волею и не превращать их в бряцающие цепи неисполненных обязанностей. Поэтому в пределах нравственного бытия „обязанность“ есть *духовно-необходимое*⁶ жизненное отношение, в котором индивидуальная душа *фактически живет*⁷ потому, что ее субстанциальная жизнь с неизбежностью приводит ее к этому. Это означает, что *нравственные обязанности совпадают с действительными состояниями добродетельной души*.⁸

Поэтому она не видит в них никакого „ограничения“;⁹ напротив, она творит в них свое „освобождение“¹⁰ от покорности естественным влечениям, от морального угнетения и от произвола личной неопределенности.¹¹ Обязанность есть не „связанность“¹² души, а деятельное „самоотвязывание“ ее от всякого инобытия и ограничения, и восхождение к „субстанциальной свободе“.¹³ То самое содержание, которым „естественная душа“ живет в форме „влечения“ (Trieb), а „моральная воля“ — в форме „долга“ (Pflicht), — это самое содержание заполняет „нравственную волю“ в форме „добродетели“,¹⁴ т. е. гармонически-целостной и субстанциально-правой страсти духа, творящего свою свободу. Предаваясь этой страсти духа, добродетельная душа осуществляет то самое, чего жаждет ее собственная всеобщая и правая воля¹⁵ и чего „требует“ от своих членов организм Субстанции; „существование моей особенной свободы“ как „субстанциальной правоты“,¹⁶ совпадает со „служением Всеобщему“ и с жизнью в нем; иными словами, „право“ совпадает с „обязанностью“.

Это совпадение права с обязанностью образует специфическую черту нравственного порядка и вскрывает один из его глубочайших корней. Субстанциальное и неотчуждаемое право

¹ Ср.: „als zu seinem Substantiellen“: Recht. 213; ср.: 384. 420. ² „blindend“: Recht. 213. 214. Курсив автора. ³ „Pflichten, für seinen Willen blindend“: Recht. 213. ⁴ Ср.: „gefordert“: Recht. 215. ⁵ Recht. 13. ⁶ „Kreis der sittlichen Nothwendigkeit“: Recht. 213; „die nothwendigen Verhältnisse“: Recht. 213. ⁷ Ср.: „nothwendig und daher wirklich“: Recht. 213—214. ⁸ См. главу восемнадцатую. ⁹ Ср. о „Beschränkung“: Recht. 214. ¹⁰ „Befreiung“: Recht. 214. См. главу тринадцатую. ¹¹ Ср.: „Abhängigkeit... in dem blossen Naturtriebe“, „Gedrückttheit... In den moralischen Reflexionen“, „unbestimmte Subjektivität“: Recht. 214. ¹² Ср.: „Fessel“: Recht. 13. ¹³ „In der Pflicht belreht das Individuum sich zur substantiellen Freiheit“: Recht. 214. ¹⁴ Ср.: „Derselbe Inhalt“...: Recht. 216. ¹⁵ См. главы пятнадцатую и шестнадцатую. ¹⁶ Ср.: Recht. 323, а также 220. 324. 325.

индивидуума, т. е. бытие его личной воли как правой и свободной, обосновывается и оправдывается (*Rechtfertigung*)¹ именно тем, что индивидуум добродетелен, т. е. что он живет содержаниями, интересами и целями субстанции, как своими собственными; а к этому-то и сводятся его „обязанности“, т. е. его необходимые и действительные жизненные отношения. Точно так же „обязанности“ индивидуума² состоят в том, чтобы культивировать доброю волею „субстанциальный состав“³ его жизненных отношений,⁴ в которых он созидает свою свободу: жить в состоянии спекулятивной конкретности, поддерживая свою субстанциальную „самостоятельность“⁵ и „благожелательный“⁶ обмен спекулятивными дарами с „другими людьми“,⁷ пребывая во всех существенных формах — брачного, семейного,⁸ гражданско-правового⁹ и государственного общения;¹⁰ а к этому-то и сводятся „права“ добродетельного человека, т. е. *правые тяготения его доброй и свободной воли.*

Поэтому, если добродетельный человек „разумно“ ведет свою семью, справедливо¹¹ осуществляет свои имущественные права, „бесстрастно“¹² и „бескорыстно“¹³ пребывает в своих субстанциальных отношениях и мужественно отдает свою жизнь на защиту своего народа и государства, то все это является для него столько же „обязанностью“, сколько и „правом“, и не менее „правом“, чем „обязанностью“. Он делает все это из „послушания“,¹⁴ которое приемлется им вполне свободно,¹⁵ и в то же время из „инстинкта“,¹⁶ который субстанциально верен и оправдан. Сознание своей „субстанциальности“ вырастило и укрепило в нем чувства „стыда и чести, эти субъективные основы общества“,¹⁷ и научило его „узнавать себя“¹⁸ в предписаниях права. Вот почему добродетельный человек свободен именно в своих обязанностях и через свои обязанности.

Такой человек почерпает в „самом себе“ мотивы своих действий и законы своей жизни: он несет их в своем духовно оправданном влечении, которое есть не только его влечение, но и тяготение самой субстанции. Эта устойчивая жизнь Субстанции в личной душе составляет „*добрый нрав*“ (*Sitte*) человека, це-

¹ W. Beh. 415; ср.: Lass. II. 465—466. Recht. 218. 269. 313. ² „vitae humanae officia“: 3 lat. 325. ³ Ср.: „das Substantielle seines Verhältnisses“: Recht. 384 ⁴ „es ist nichts Anderes von ihm zu thun, als was ihm in seinen Verhältnissen vorgezeichnet, ausgesprochen und bekannt ist“: Recht. 215. ⁵ Ср.: Rel. I. 173. ⁶ Ср.: „wohlwollende Neigung“: Enc. III. 392; „benevolentia“: 3 lat. 325 ⁷ Ср.: „erga alios homines“: 3 lat. 325. ⁸ Ср.: Rel. I. 173. 3 lat. 325. 325—327. ⁹ Ср.: Enc. III. 392. Recht. 386—387. 3 lat. 325. 325—327. ¹⁰ Recht. 313. Rel. I. 174. 3 lat. 325; См. главу двадцатую. ¹¹ „Gerechtigkeit“: Enc. III. 392; ср.: „iustitia, aequitas“: 3 lat. 325. ¹² „Leidenschaftslosigkeit“: Recht. 386. ¹³ Lass. II. 469. ¹⁴ „Gehorsam“: Recht. 337; „Obediens“: Rel. I. 174. ¹⁵ Recht. 337 и др. ¹⁶ Ph. G. 46. ¹⁷ Recht. 304. ¹⁸ Recht. 13.

лостно проникающий во все его дела и помыслы и определяющий линию его поведения. А так как Субстанция есть органически-конкретное и содержательно-ассимилированное единство, живущее в *каждом*, то „добрый нрав“ представляет из себя не „своеобразную“ и „обособленную“ нравственность¹ индивидуума, но видоизменение *всенародной нравственности*: добродетель „единичного человека есть биение пульса всей системы и даже вся система в целом“.²

Это можно выразить так, что „природе абсолютной нравственности“ свойственно быть „*нравами*“,³ т. е. что ей свойственно осуществляться во *всех* людях, являясь в них в виде *общего* им всем „*способа действия*“.⁴ При таком понимании Субстанция предстает в виде всеобщих и объективных, духовных „*деятелей*“ или сил, которые сообщают себя людям, „бессознательно проникают“ в их индивидуальные души и обнаруживают в них свою мощь и значение;⁵ эти духовные силы суть всеобщие „*нравы*“ народа. Это означает, что „добро“ становится „*всеобщей привычкой и обычаем*“,⁶ устойчивым способом существования, определяющею жизненною силою. Сначала „*основоположения и способы действия*“ „*сообщаются духу* не в виде сознательной рефлексии, но образуют скорее некий субстанциальный элемент, в котором человек живет, к которому он приспособляет и по которому направляет свою духовную организацию“:⁷ он живет „*бессознательным нравом*“,⁸ во всей его „*ограниченности*“⁹ и „*непосредственности*“,¹⁰ добрым влечением, которое, однако, не пронизано еще светом совестного знания¹¹ и не освобождено от влияния эмпирической случайности.¹² На более высокой ступени „*бессознательный нрав*“ становится предметом рефлексии и самосознания¹³ и проходит через правовое формулирование¹⁴ и нравственное приятие. „*Мудрейшие люди*“ „*искони*“ стремились к знанию и „*регулированию*“ того, что оставалось в „*бессознательной*“ сфере „*влечений, привычек и нравов*“,¹⁵ и старались установить гармонию между *их* содержанием и содержанием *законов*, так, чтобы добрый нрав узнал себя в предписаниях закона,¹⁶ а „*законы и обязанности* явились в живом образе нравов и добродетелей“.¹⁷ Высшая ступень нравственной жизни и состоит в том, что личный добрый нрав образует явление „*всеобщих нравов*“ и „*всеобщих законов*“, совпадающих между собою по содержанию. В нравственной жизни „*нрав* составляет

¹ W. Beh. 399. 400. ² W. Beh. 396. ³ W. Beh. 396. ⁴ „erscheint das Sittliche, als die allgemeine Handlungswelse derselben, als Sitte“: Recht. 217.
⁵ Ср.: Log. III. 187. См. главы пятую и шестнадцатую. ⁶ Gymn. 195.
⁷ Gymn. 168. ⁸ Enc. III. 427. Recht. 211 (Z.). ⁹ Ср.: Enc. III. 427.
¹⁰ Enc. III. 442. ¹¹ Enc. III. 442. ¹² Enc. III. 427. ¹³ Ср.: Phän. 265. Gymn. 168. ¹⁴ См. главу шестнадцатую. ¹⁵ Jac. 21—22. ¹⁶ См. главу шестнадцатую. ¹⁷ Gymn. 189.

субстанцию всех“, так, что „все и каждый в отдельности знают ее действительность и ее существование как свою волю и свое дело“.¹

Вот почему можно сказать, что „мудрость и добродетель состоят в том, чтобы жить согласно нравам своего народа“² или „своей страны“.³ Нравственный человек сознательно и бес-сознательно живет нравами своего народа: они „вработались“ в его субъективную волю,⁴ они стали его „второй природой“, его „проникающей душой“,⁵ его „привычкой, образом мыслей и характером“.⁶ Единичное „сознание“ сознаёт, что „всеобщее сознание“ составляет его „бытие“ и что, обратно, его индивидуальная „деятельность и его существование“ совпадают со „всеобщим нравом“.⁷ И так как содержанием нрава, в истинном значении этого слова,⁸ всегда является „свобода“,⁹ то добродетельный человек есть человек, живущий добрыми и свободными нравами своего народа.

Такова сущность личной добродетели в ее развитом и зрелом виде: настроение добродетельного человека состоит „в знании субстанции“ и в знании того, что все личные интересы человека „тождественны с целым“.¹⁰ Для него и его „эмпирического сознания вполне реализовано“ „воззрение философии“, „согласно которому все вещи суть в Боге и нет единичности“:¹¹ всякое „единичное действие, или помысел, или бытие, имеет свою сущность и значение исключительно в Целом, и, поскольку мыслится основа единичности, постольку мыслится исключительно это последнее; индивидуум не знает и не воображает никакой другой основы“.¹² Все, что добродетельный человек делает, все возникает из подлинной субстанциально-божественной глубины Духа; всякая мысль, всякое чувство, всякое создание его осуществляет и изображает эту глубину. Сущность добродетели божественна по источнику и по содержанию. Отсюда и происходит ее религиозная и философская природа.

Дух добродетельного человека воспринял и усвоил имманентное миру „вездесущие“ Божие. Он постиг и убедился в том, что Добро есть не только „абсолютная конечная цель мира“,¹³ но его имманентная сущность,¹⁴ творчески раскрывающая себя в космосе; он понял и признал, что это „вездесущие“ Божие разлито не только в природе, но и в человеческих делах, что

¹ Phän. 527—528. ² Phän. 267. Курсив Гегеля. ³ W. Beh. 400.
⁴ Епс. III. 377. ⁵ Recht. 217. ⁶ Епс. III. 377. ⁷ Phän. 265. ⁸ Ср.:
в главе четырнадцатой об „оптимизме“ и „аристократизме“ Гегелевой философии.
⁹ Ср.: Епс. III. 231. 377. ¹⁰ Епс. III. 392. Курсив Гегеля.
¹¹ Lass. II. 465. ¹² Lass. II. 465—466. ¹³ Епс. III. 388. Recht. 171—172; ср.: Bewelse A. 464. ¹⁴ Ср.: Phän. 289. См. главы десятую, одиннадцатую и двенадцатую.

„история человека“ есть *история жизни Божией в человеке*: ибо ее творит, ее движет божественный Дух,¹ в ее основе лежит „план Провидения“² и „результатом“ ее может быть только та великая „цель“, которая таинственно заложена в самом „начале“.³

Это постижение, выстраданное в личном по форме, но метафизически-подлинном опыте, открывает добродетельному человеку возможность *религиозного приятия своей судьбы*. Не следует понимать этого так, что он „благоразумно“ склоняется перед слепым предопределением; что он просто покоряется чему-то внешнему и чуждому,⁴ с ужасом взирая в непроглядный мрак судьбы.⁵ Нет, он *сознательно, добровольно и творчески приемлет свое тождество с Субстанцией, которая имманентна его духу и безоглядно предает себя ее силе, от которой он себя уже не отличает*.

Так, судьба не приходит „извне“, но скрывается в пределах самой жизни,⁶ в самом человеке,⁷ в его „первоначальной“ и „по себе сущей“, „внутренней“ определенности.⁸ Приятие судьбы осуществляется его собственной волею⁹ и состоит в том, что он свободно обращается к „себе самому“,¹⁰ к субстанциальным корням своего существа и полагает в них центр своей жизни: тогда его созерцанию, обращенному в глубину духа, открывается реальность „абсолютного чистого Понятия“,¹¹ т. е. всеобщий¹² божественный Смысл, творческий путь которого определяет *судьбу всего живущего*. Добродетельный человек полагает себя *в тождестве с родо-вою Всеобщностью* и сливает *свою жизнь с ее жизнью*; это приобщает его абсолютной свободе от объекта, и удостоверяет его в том, что Бытие воистину абсолютно, божественно и благодатно и потому предопределено к космической победе.

Вот откуда в добродетельной душе возникает то уверенное сосредоточенное *спокойствие*,¹³ которое налагает на ее жизнь печать высшей примиренности: она знает о своем тождестве с „нравственной Субстанцией“, этой „всемогущей и праведной судьбою“¹⁴ индивидуума; она знает, что „божественный дух“ имманентно проникает во все людские дела¹⁵ и владеет каждым „истинно свободным“, „бесконечным“ и „прекрасным“ жизненным отношением;¹⁶ она знает, что человек, волею и неволею,

¹ Enc. III. 426. ² Enc. III. 421. ³ Cp.: Phän. 17—18. ⁴ Nohl. 282.
⁵ Cp.: „furchtbare unbekannte Nacht des Schicksals“: Phän. 510.
⁶ „innerhalb des Gebietes des Lebens“: Nohl. 281. ⁷ Nohl. 288. ⁸ Cp.: Phän. 236.
⁹ „mit eigenem Willen“: Nohl. 285. ¹⁰ Cp.: Nohl. 282.
¹¹ Cp.: „das Schicksal..., der absolute, als Sein angeschaute, reine Begriff selbst“: Phän. 273—274. ¹² Cp.: „so ist das Schicksal des Lebendigen überhaupt die Gattung“: Log. III. 192.
¹³ Cp.: „ruhiges Beruhen in sich selbst“: Enc. III. 392. ¹⁴ Phän. 354. ¹⁵ Enc. III. 429. 433. ¹⁶ Cp.: Diff. 237. 239.

осуществляет на земле „абсолютную нравственность“ во всей ее „прекрасности“, „свободе“, „блаженности“ и „божественности“,¹ что индивидуумы и народы через беды и страдания восходят к „абсолютной легкости нравственного духа“, к „безграничной радостности“ и „свободнейшему наслаждению“.² Она знает это и радостно предается своей судьбе, т. е. зову *Божию*.

Так оправдывает Гегель мудрость древних, полагавших, что „добродетель“ есть источник „счастья“. Жить в нравственной субстанции своего народа значит действительно приобщиться высшему счастью,³ ибо *спекулятивная конкретность* избавляет душу от всякой „разъединенности“⁴ и дискретности, от одиночества, разорванности, чувства бессилия и страха, т. е. от всякого „страдания“;⁵ она устанавливает в душе высшую цельность и гармонию и приобщает ее *высшему и абсолютному удовлетворению* — творческому участию в жизни побеждающего *Божества*.

На этом-то уровне духовной жизни разворачивается образ „государства“. Он покоится всецело на *нравственном настроении*, а оно в свою очередь коренится в *религиозном настроении*,⁶ приемлющем через акт совести имманентное бытие Божества, ибо *религиозная совесть и нравственная совесть* суть в конечном счете *одно и то же*:⁷ „свободный дух, знающий себя в своей разумности и истинности“.⁸ В основании *государственного бытия* лежит, следовательно, некоторое *абсолютно-достоверное постижение*, т. е., в сущности говоря, *философское познание*, которое углубляет и обновляет своею спекулятивною подлинностью и действительностью всю, как личную, так и народную, жизнь. Вот почему Гегель, вслед за Платоном и Аристотелем, раскрывает термин „политического“ так, что в нем обнаруживается нравственная, и религиозная, и философская глубина: „*πολιτεύειν*“, творить политику, значит „жить со своим народом и ради своего народа“, значит „вести всеобщую жизнь, совершенно принадлежащую публичному“ бытию;⁹ а это значит — слить свою жизнь с Субстанцией, творить свое тождество с нею, *волею и знанием проникать в ее сущность*, или, что то же, „*философствовать*“.¹⁰

Таково учение Гегеля о личной добродетели.

¹ Cp.: Lass. II. 469. ² Phän. 528. ³ „Glück“: Phän. 268. 269.
⁴ „Differenz“: Lass. II. 469. ⁵ „Schmerz“: Lass. II. 469. ⁶ Enc. III. 429.
⁷ „zuletzt... ein und das selbe“: Enc. III. 439. ⁸ „der freie Geist in seiner Vernünftigkeit und Wahrheit sich wissend“: Enc. III. 439. ⁹ Cp.: W. Beh. 381.
¹⁰ „oder das Philosophieren“: W. Beh. 381.